ТЕАТР — ЭТО ЖИЗНЬ

БЕСЕДА ШВЕЙЦАРСКОГО ЖУРНАЛИСТА АРТУРА
НОЗЕФА С ИЗВЕСТНЫМ ФРАНЦУЗСКИМ РЕЖИССЕРОМ
И АКТЕРОМ ЖАНОМ ЛУИ БАРО.

Долго проблуждав вокруг «Театр де Франс», я, наконец, заметил незранные двери с небольшой табличкой — «Дирекция».

Старая, похожая на мумию, консержка остановила меня резким «Его нет!», но все же указала на лестницу, ведущую вверх. Удобные ступеньки этой неказистой лестницы, устланные ковром, не были холодными и непреступными. На стенах висели эскизы сцен из старых спектаклей. Я почему-то вспомнил рассказ Армана Салакру (известного французского драматурга. — Ред.) о его встрече с Барро еще во время войны. Тогда будущий директор «Театр де Франс» хранил свои пожитки в единственном рюкзаке. После войны он вместе с Мадлен Рено основал театр, сейчас ставший знаменитым.

Наконец, я у Барро. Лучи зимнего солнца, проникшие сквозь высокие узкие окна, играют на длинном столе, на стенах — посмертные маски Клодела. Мы пристально смотрим друг на друга. Глаза Барро, немного грустные, смотрят внимательно и испытующе.

Стремясь, чтобы наша беседа была непосредственной, я представляю не как критик, а как почитатель его искусства.

— Оставим критиков, они судьи, зачитывающие нам свой приговор. — говорит он, слегка улыбувшись. Затем про-

должает: — Я избрал свою профессию, желая быть поближе к людям. Я люблю людей, а театр их объединяет. Театр ликвидирует различия, разделяющие людей: расовые, сословные, языковые. Театр подчеркивает то, что является общим для всех нас: смех и слезы, счастье и боль, радость и страх, поэтому театр во все времена был символом мира.

Эти слова помогают понять все его роли в театре и кино, которые я видел. Но разве это основной принцип режиссера и директора театра? Не могу удержаться от вопроса:

— Не приходится ли вам посредством спектакля противопоставить эмоциональному воздействию театра холодный расчет?

— Задача режиссера — помочь засиять таланту артиста, а не подавлять его. — живо парировал он. — Для меня существует два типа режиссеров — режиссеры контролирующая и режиссеры зажигающая. Первые, так же, как и критики устранивают актерам экзамены, вторых же можно сравнить с жокеем: он гладит рысака, который должен доставить его к цели. Я, очевидно, отношусь ко вторым.

— Стараетесь ли вы сохранять «оптическую дистанцию», работая как режиссер?

— Во время репетиций я почти никогда не бываю в за-

ле, а нахожусь с актерами на сцене. Это помогает находить контакт с ними. В зрительный зал прихожу лишь за несколько дней до премьеры, словно переходя в другой — лагерь публики.

— Понимает ли публика ваши замыслы так, как вам бы этого хотелось?

— За те годы, что я работаю, зрители очень изменились. Трудно себе представить, сколько внутренней силы просыпается в зрителях после хорошего, заставившего задуматься спектакля. Париж, как говорят, живет спеша. Это не совсем правда. Если показать парижанам что-нибудь по-настоящему прекрасное, они не только живо принимают это, но и надолго запоминают.

Драматическое искусство — искусство поэтическое. Оно как бы ощущается физически и, кроме того, не является дидактичным. Все, что чересчур дидактично, — это не искусство. Но не следует забывать, что театр — зеркало справедливости. Это своего рода суд, и здесь должна торжествовать справедливость. Именно этого ждут зрители.

Мы с Мадлен Рено выбираем пьесы, которые хотели бы увидеть сами, будучи зрителями. Театр, как жизнь. Здесь плачут и смеются. У тех, кто стремится сблизить народ и театр, цель должна быть высокой, как горная вершина. Те, кто жаждет только популярности, ошибается, предполагая, что можно ограничиться небольшим холмиком «Нойе Цюрхер цайтунг».